

□ Глокая кудра в Большом

□ В Большом Театре состоялась ожидаемая публикой премьера оперы Римского-Корсакова «Золотой петушок» в постановке Кирилла Серебренникова.

Последней до этого постановкой на русском языке была опера «Дети Розенталя», написанная в классической традиции великих оперных театров — специально по заказу БТ. Формальное следование традициям не спасло изначально чернушное либретто. Действие на площади трех вокзалов с проститутками, сутенерами, наперсточниками, бомжами и торговцами, разбавленное клонированными доктором Розенталем великими композиторами Моцартом, Чайковским, Мусоргским, Вагнером и Верди, не прижилась на высокой сцене Большого. Хоть опера и значится в репертуарном списке театра, за все время сыграно три спектакля. Поэтому очередная постановка русской классической оперы, да еще и в жанре сказки ожидалась с нетерпением.

Дождались. Чтобы оценить содержание события вполне достаточно познакомиться с театральной критикой ([ссылка](#)):

«Серебренников ... решил бежать от слащавых «славянских» примет, опасаясь, что они заслонят актуальную суть. Режиссеру было важно сделать картинку узнаваемой здесь и сейчас. Так что ждите возмущенной реакции «патриотов».

Действие зажато в рамках царского дворца (смесь Георгиевского зала в Кремле и станции метро «Электровзаводская»). Кругом полно снайперов на балконах, охранников с собаками и телохранителей, всех обыскивающих до трусов.

Вокруг царя ссорятся сыновья-оболтусы: один прогрессивный, с ноутбуком под мышкой, другой — мрачно-патриотичный, с чернорубашечниками в свите. Рядом кишат, как пел Галич, «холуи и топтуны с секретаршами». Кого здесь только нет! Пузатый генералитет в аксельбантах, сотрудники «компетентных органов», Дума, одетая в серые чиновничьи костюмы и боярские меховые шапки, тетки в перманенте, напоминающие тружениц советского ЖЭКа. Чеканит державный шаг караул особо важных объектов. Суется уборщицы и гастарбайтеры, спешно, в последний момент (как принято в России) забивающие гвозди. В самые патетические моменты по сцене проплывает ансамбль песни и пляски, выделяющий коленица.

Вещая птица тут — мальчик-оракул, которого безжалостно заключают в ящик с гербом государства, двуглавым петухом. Тем временем Звездочет получает госпремию со всеми атрибутами. Дальше — война, царь примеряет на себя головной убор-куколь духовного лидера нации и опоясывается бронежилетом, чтобы идти на фронт.

Перед нами тот же дворец, разрушенный почти до основания. Серые голые стены в трещинах и дырках, посреди «груз 200», сиречь гробы, которые хмуро заколачивают, готовя к отправке. Напевая «сброшу чопорные ткани», героиня меняет имидж: сперва выходит восточной женщиной в черной парандже, потом европейкой в декольтированном красном платье, а под конец — гражданкой мира в белом брючном костюме и темных очках.

И поданная на блюде отрубленная голова царского полководца, вызвавшего гнев Царицы, тоже впечатляет.

В городе, куда вернулся Додон с Царицей, идет праздничный парад. В паноптикум уже виденной массовки влились бронированные опричники «с песьими головами». Промаршировал дурацкий спецназ в спецодежде (белый маскхалат плюс костюм химзащиты), похожий на привидения с автоматами. Покружились дети-головастики с целлулоидными улыбками и огромными леденцами-петушками в руках, изображающие «наше счастливое детство». Серебренников умело дозирует эффекты-сюрпризы. Хитом первого акта стало участие в действии (наравне с артистами) сотрудников Большого: знающая публика приветствовала мимирующего работника пресс-службы и пляшущего начальника отдела перспективного планирования. В конце спектакля зал зашелся от ракеты класса «Земля — Земля», проехавшей из кулисы в кулису».

Зашелся — это хорошо, пробрало, значит.

Сатира должна быть конкретной и понятной зрителю. А у Римского-Корсакова она, для оглушенной жизнью публики, излишне тонкая и нежная. Адаптация постановки устранила недостаток, многократно усилив сатирическое содержание.

БТ осталось сделать последний шажок — посадить в оркестровую яму группу смехунов. Те, как в телешоу, будут подсказывать зрителю, в каких местах полагается смеяться. Согласитесь, удобно — никто не усомнится в твоём чувстве юмора, и никогда не попадешь со своим неуместным смехом в неловкую ситуацию. Опять же, веселее и уютнее, по-домашнему, как на диване у телевизора.

Только почему-то в глубинах сознания брезжит смутная и неуверенная мысль: а что, если есть категория зрителей, которые идут в Большой Театр, чтобы вырваться из напряженного оглушающего ритма жизни, с желанием посмотреть и послушать тонкие и красивые классические произведения? Но в целом, позиция театра безупречна — воспитывать их надо, эстетов асоциальных.

Театр «Колумба» в Большом

Не оставляло смутное ощущение, что с серебрянниковскими постановками неким косвенным образом уже приходилось раньше сталкиваться. Потом вспомнил — это же хорошо известный советскому читателю театр «Колумба» из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова. Что называется, попробуйте найти десять отличий от «Золотого петушка» в интерпретации Серебрянникова:

«Из одиннадцатого ряда, где сидели concessionеры, послышался смех. Остапу понравилось музыкальное вступление, исполненное оркестрантами на бутылках, кружках Эсмарха, саксофонах и больших полковых барабанах. Свистнула флейта, и занавес, навеяв прохладу, расступился.

К удивлению Воробьянинова, привыкшего к классической интерпретации «Женитьбы», Подколесина на сцене не было. ...Бутылочные стоны вызвали на сцену Подколесина...

Чувствовалось, что Степан оттеснит Подколесина и станет главным персонажем осовремененной пьесы...

— А что, — спросил Подколесин, — не спрашивал ли портной, на что, мол, барину такое хорошее сукно?

Степан, который к тому времени сидел уже в оркестре и обнимал дирижера, ответил:

— Нет, не спрашивал. Разве он депутат английского парламента?

— А не спрашивал ли портной, не хочет ли, мол, барин жениться?

— Портной спрашивал, не хочет ли, мол, барин платить алименты.

После этого свет погас, и публика затопала ногами. Топала она до тех пор, покуда со сцены не послышался голос Подколесина:

— Граждане! Не волнуйтесь! Свет потушили нарочно, по ходу действия. Этого требует вещественное оформление.

Публика покорилась. Свет так и не зажигался до конца акта.

...В начале второго акта все четыре стула были вынесены на сцену неграми в цилиндрах.

Сцена сватовства вызвала наибольший интерес зрительного зала. В ту минуту, когда на протянутой через весь зал проволоке начала спускаться Агафья Тихоновна, страшный оркестр Х. Иванова произвел такой шум, что от него одного Агафья Тихоновна должна была бы упасть в публику. Однако Агафья держалась на сцене прекрасно. Она была в трико телесного цвета и мужском котелке. Балансируя зеленым зонтиком с надписью: «Я хочу Подколесина», она переступала по проволоке, и снизу всем были видны ее грязные подошвы. С проволоки она спрыгнула прямо на стул. Одновременно с этим все негры, Подколесин, Кочкарев в балетных пачках и сваха в костюме вагоновожатого сделали обратное сальто. Затем все отдыхали пять минут, для сокрытия чего был снова погашен свет.

Женихи были очень смешны, в особенности — Яичница. Вместо него выносили большую яичницу на сковородке. На моряке была мачта с парусом.

Напрасно купец Стариков кричал, что его душат патент и уравнилельный. Он не понравился Агафье Тихоновне. Она вышла замуж за Степана. Оба принялись уписывать яичницу, которую подал им обратившийся в лакея Подколесин. Кочкарев с Феклой спели куплеты про Чемберлена и про алименты, которые британский министр взимает с Германии. На кружках Эсмарха сыграли отходную. И занавес, навевая прохладу, захлопнулся.

— Я доволен спектаклем, — сказал Остап, — стулья в целости. Но нам медлить нечего. Если Агафья Тихоновна будет ежедневно на них гукаться, то они недолго проживут».

Ни в каком сне не могло присниться, что наступят времена, когда постановки театра «Колумба» завоюют сцену Большого Театра и души критиков.

Вопросы

Из массы возникших вопросов решил остановиться на двух.

1. Как могло случиться, что подобная постановка оказалась на сцене Большого Театра?

Несть числа площадкам более уместным для творчества театра «Колумба», чем сцена БТ. Здесь имеет место абсолютное рассогласование уровня театра с содержанием постановки.

2. С какой стати постановщику позволяется безнаказанно уничивать герб РФ?

Вообще-то, государственный герб — это не символ власти, это символ страны, а, значит, проживающих в ней людей. «Герб (польск. herb, от нем. Erbe — наследство) — эмблема, наследственный отличительный знак, сочетание фигур и предметов, которым придаётся символическое значение, выражающее исторические традиции владельца» (БСЭ).

Соглашусь с тем, что символ и традиции могут кому-то не нравиться. Но приличным людям не пристало оскорблять их, особенно — публично. Более того, публичное оскорбление символов традиционно относится к разряду экстремистских провокаций.

Чем ситуация с представленным публике двуглавым петухом принципиально отличается от ситуации с бананом, брошенным под ноги Роберто Карлосу на матче в Краснодаре?

Ну, бросили банан. Может быть, восхищенный игрой зритель хотел, чтобы Роберто подкрепился, все-таки устал к концу матча. Так нет же: банан — это символ оскорбления, а двуглавый петух — сатира.

Тележурналисты и функционеры раздуваются в телевизоре от охватившего их возмущения. А в аналогичной истории тележурналисты и функционеры от искусства спокойны.

Что характерно, Роберту Карлосу в случившейся истории не пришлось потратить ни копейки: футбольное поле, брошенный банан и тиражирование картинки оплачено другими. Тогда как содержание БТ оплачивают в качестве налогоплательщиков носители двуглавого символа.

«В прессе мелькали сообщения, что из-за этого двуглавого петушка на режиссера и театр вроде как даже собираются подавать в суд (за оскорбление государственного символа). Но если действительно подадут — будет совсем комично, а спектаклю такая реклама пойдет только на пользу» [ссылка](#).

Трудно не согласиться. Налицо тупые патриоты, не доросшие до сатиры и юмора утонченного постановщика. В банановой истории все наоборот: общепризнанным недоумком-нацистом является постановщик шоу, а Роберто Карлос — чудовищно оскорбленный миниспектаклем зритель. Вы бы видели лицо Роберто, когда он демонстративно покидал футбольное поле.

Но усомниться в ограниченности Роберто Карлоса, не воспринявшего «остроумной искрометной» шутки с бананом-символом (банан явно не был идентифицирован им в качестве угощения) недопустимо. И это правильно. Клуб незамедлительно оштрафовали на триста тысяч, болельщика ищут, чтобы судить. И все это — без каких-либо заявлений в суд со стороны смурного и неюморного Карлоса. И это тоже правильно. Только правильность в отношении провокаторов должна быть последовательной. Как это ни комично для театральных критиков.

Отзыв очевидца

Очевидец — интеллигентный, образованный и чуткий человек.

«Либретто замечательное, очень умное и актуальное, музыка прекрасна. Постановка — „хрень полная“.

Чувство меры отсутствует в принципе. Чистая опера с тонкими намеками была бы на мой взгляд гораздо интересней. А это прям Салтыков-Щедрин поющий.

На костюмах сэкономили и восточных танцах»...

Кто поселился в Большом

Мнменно глокая кудра. Та штеко не знамо ак еще забудлать бокра и раскудрячить бокрят.

Яко ее до скуства в тетре? Будлаться и кудрячить.

Июнь, 2011г.

□